

НАРОДЫ СССР

В. Я. Пропп. *Русские аграрные праздники. (Опыт историко-этнографического исследования)*. Л., 1963, 143 стр.

Книга В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники», недавно выпущенная издательством Ленинградского государственного университета, представляет большой интерес для этнографов, фольклористов, историков религии и работников смежных специальностей.

По аграрной календарной обрядности в XIX — начале XX в. накоплен большой материал, в собирании которого приняли участие и опытные исследователи, и местные краеведы, и случайные наблюдатели. Попытки его анализа делались еще в XIX в. многими учеными, в основном с позиций мифологической школы и школы заимствований.

В советское время этими вопросами занимались Н. В. Румянцев, А. И. Никифоров и другие, однако смысл аграрных праздников ими не был раскрыт по существу. Теорию трудовой основы аграрного календаря разработал В. И. Чичеров в своей работе «Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв.»¹.

В. Я. Пропп, также взяв за основу трудовое начало в сельскохозяйственном календаре, включил в круг изучения весь годовой цикл праздников и обрядов. Не увлекаясь излишней детализацией, он группирует и анализирует основные элементы, из которых слагались праздники. Одновременно им не упускается и хронологическая последовательность обрядности в году. Такой метод изучения позволяет более глубоко, чем это делалось раньше, раскрыть смысл земледельческих праздников, их аграрно-производящий характер².

Метод исследования обуславливает и построение книги, разбивку ее на главы. Первая группа элементов, с рассмотрения которой начинается работа, — поминовение усопших и связанная с этим обрядовая пища. Поминовение усопших происходило, главным образом, на святки, масленицу, русальную, фомину недели. После Ивана Купалы поминок почти не устраивали. Многие исследователи обращали внимание на приурочение поминальной обрядности к весеннему периоду, но не смогли дать более или менее убедительного объяснения этого явления. В. Я. Пропп связывает культ мертвых с земледельческими интересами и стремлениями. Он считает, что весенние земледельческие обряды, посвященные усопшим, вызывались представлениями о покойниках, находящихся в земле и, якобы, продолжающих жить под землей, причем они имеют власть над урожаем: «Земля и находящиеся в ней покойники как бы сливаются в одно целое» (стр. 23). Поэтому обряды поминовения усопших, совершаемые в период пробуждения земли, были направлены не только на то, чтобы умиротворить покойников, но и на то, чтобы поддержать их пищей, «приобщить их к кругообороту жизнь — смерть — жизнь» (там же). Этой же цели служила и обрядовая еда. По мнению автора, употребление основных обрядовых блюд (куты, которая готовилась из зерен-семян, ячи) объясняется их особыми свойствами, имеющими в глазах земледельца магическое значение, а именно, «свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее» (стр. 16). Другие обрядовые блюда: поросенок, бывший непременной принадлежностью новогоднего стола, святочные «козули», выпекаемые из теста, фигурки других наиболее плодовых животных — все это употреблялось с целью «имитации действительности, которая должна вызвать изображаемую действительность к жизни» (стр. 29).

Небольшая по объему третья глава книги посвящена разбору обрядовых действий праздника «встречи весны». Анализ их раскрывает предпосылки, приводившие древних земледельцев к попытке подчинить себе природу: стремление имитативным путем вызвать желаемое. Поэтому в начале весны делали изображения птиц, которые своим прилетом, якобы, приносят весну, и при этом распевали заклинательные песенки. Следует заметить, что аналогичные по содержанию песни-заклинания пели иногда и на масленицу. Следовательно, от масленицы, как и от весны, ждали, что она принесет урожай. Вероятно, пение таких песен на масленицу было связано с тем, что масленица близка к весенним праздникам по времени, а может быть и сливалась с ними, открывая новый этап в земледельческом календаре.

Далее автор переходит к поздравительно-заклинательным песням: колядкам, овсеню, винограду, щедровкам и др. В. Я. Пропп согласен с мнением В. И. Чичерова, что

¹ В. И. Чичеров, Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. Очерки по истории народных верований. Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XL, М., 1957.

² Термин «аграрно-производящие» обряды, употребляемый автором, уточняет и конкретизирует распространенное понятие «аграрно-магические» обряды. По классификации Е. Г. Кагарова, которой пользуется В. Я. Пропп, магия делится на профилактическую, имеющую цель оградить человека от злых сил, и производящую, стремящуюся обеспечить человеку положительные ценности: плодородие, богатство и т. д. (См. Е. Г. Кагаров, К вопросу о классификации народных обрядов, Л., 1928.)

«колядки — не единственная форма таких песен» (стр. 54). К разновидностям их автор относит щедровки, величальные песни, व्यюнec. В. Я. Пропп подчеркивает закономерность переплетения в обрядовой поэзии, как и в календарной обрядности, аграрной и брачной тематики: заклинание семейного благополучия должно, якобы, воздействовать на плодородие земли. Интересно приводимое им сопоставление величания в колядках с некоторыми моментами в былинах.

В главе «Кульť растений» рассматривается смысл троицкого и купальского обрядовых циклов, а также осенних жатвенных обрядов. Очень убедительна мысль автора, что обряд завивания и уничтожения березки, совершавшийся весной, когда земля набирает силу для будущего плодородия, «представляет собой попытку передачи вегетативной силы от березки к земле» (стр. 61). Аналогично объясняются им и осенние обряды. Внесение в дом последнего снопа, завивание на поле «бороды» из последних колосьев рассматривается как способ «использования скрытой в них силы» (стр. 67). В. Я. Пропп опирается при исследовании этой группы обрядности на теорию В. Маннгардта, считавшего, что, по представлению земледельцев, сила земли (у Маннгардта это «мать ржи») при жатве уходит в последний сноп или последний пучок колосьев (бороду) и сосредоточивается в них. Внесением в дом последнего снопа и зарыванием колосьев бороды в землю сила земли, якобы, переносится или в дом, или обратно в землю: этим актом земле снова передается способность к плодородию.

Отдельная глава под названием «Смерть и смех» посвящена обрядам так называемого «ярилина цикла». Это проводы, похороны, растерзание, сожжение деревьев и чучел, похоронная игра с живым человеком. Они исполнялись в различные моменты календаря, в основном на святки, масленицу и в летние праздники. Эти обряды издавна привлекали внимание исследователей, и поэтому подробно описаны в научной литературе.

В. Я. Пропп, умело используя накопленный наукой материал, подошел к объяснению этой группы обрядов как аграрно-продуцирующих, что нужно признать единственно верным их объяснением. Им использована теория Дж. Фрэзера об умирающих и воскресающих божествах, но определение Фрэзера — «духи растительности» — автор заменяет понятием «растительная сила», которое более правильно выражает сущность явления. Исследование обширного русского и западноевропейского материала приводит В. Я. Проппа к мысли проследить «фазы рождения божества растительности». Их он намечает четыре: 1) воплощение силы — дерево; 2) сила отделяется от дерева и антропоморфизмуется, причем на русском материале автор проследживает переходную форму — сила представлена одновременно и в человеческом образе и в образе растения; 3) антропоморфное существо получает имя, что служит ступенью к обоожествлению; 4) возникновение божества (в русском материале эта фаза отсутствует).

В русской аграрной обрядности не сохранилось четкого представления о возрождении божества, которое развито в античной обрядности. В. Я. Пропп считает, однако, что и в русской обрядности следы идеи воскрешения заметны, особенно в обрядах, связанных с растительностью. В подтверждение этой мысли можно привести одну масленичную песню, в которой нашла отражение идея воскресения божества:

А мы масленицу прокатали,
В ямочку закопали.
Лежи, масленица, до налетья,
А на лето раскопаем,
А на лето раскатаем³.

Схема, данная В. Я. Проппом, убедительна. Она подтверждает «архаический, добожеский характер» русских праздников (стр. 99). Автор объясняет фарсовые моменты в обрядах встречи и проводов масленицы, Купала, Ярилы и т. п., исходя из значения смеха, как магического действия, способствующего плодородию.

В последней главе книги рассматриваются обрядовые игрища и увеселения. В. Я. Пропп отмечает, что весенняя аграрная обрядность отражает основные моменты жизни человека, ведущие к браку и продолжению рода (отсюда в обрядовых играх тяга к эротике). Особенно ярко взаимосвязь аграрной и семейной обрядности выражена в следующих праздниках: святки — праздник неженатой молодежи, масленица — праздник молодоженов, весенние праздники (троица, купала и др.) — подготовка к материнству. Таким образом, в весенней обрядности параллельно развиваются две линии: 1) подготовка человека к браку и материнству, 2) пробуждение плодородящей силы земли. При исследовании смысла весенней обрядности автор раскрывает особенности мышления первобытного земледельца, который уподоблял землю женскому организму.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть важность изучения аграрной календарной обрядности. Как указывает В. Я. Пропп, раскрытие смысла религиозных и ми-

³ И. К. Коланевич, Народные песни, собранные и записанные в Псковской губернии, Псков, 1907, песня № 9 (записана в д. Горохово Великолуцкого уезда).

фологических представлений может послужить хорошим средством в борьбе против их пережитков, создает основу для понимания русской календарной поэзии. Картографирование календарной обрядности, возможно, помогло бы в изучении некоторых этногенетических процессов.

Хотя книга В. Я. Проппа не претендует на исчерпывающую характеристику русского земледельческого календаря, она является важным этапом в разработке этой проблемы в целом. Автор намечает закономерности в обрядности, последовательно раскрывая ее аграрно-магическое значение и связывая ее с трудовой деятельностью людей.

Написанная просто и живо, книга доступна широкому кругу читателей и с интересом будет ими прочитана.

Г. Носова

К. И. Антипина. *Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов*. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962, 289 стр.

Рецензируемая книга является первым в советской этнографической литературе монографическим исследованием особенностей материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. В более широком плане и в общем виде этот вопрос ставился лишь Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедицией (1953—1955 гг.). Е. И. Махова, член этой экспедиции, коротко изложила исследование вопроса в статье «Материальная культура киргизов как источник изучения их этногенеза» (Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции, т. III, Фрунзе, 1959). Она ориентировочно выделила северный, северо-западный, южный и промежуточный, расположенный между северо-западным и южным, комплексы материальной культуры, характерные для различных этнографических групп киргизов.

В монографии К. И. Антипиной рассматривается материальная культура киргизов, входящая в южный и промежуточный комплексы — по классификации Е. И. Маховой.

В рецензируемой книге автор поставила задачу — выявить этнический облик, вскрыть самобытные черты и своеобразие южных киргизов, отметить лучшие народные традиции, изучить более ранние формы материальной культуры, черты сходства и различий в быту основных родоплеменных групп юга Киргизии, установить характерный для данной территории комплекс материальной культуры как часть общекиргизской, а также проследить основные изменения, происходившие за годы Советской власти, и дать некоторое представление о современных формах бытового уклада южных киргизов. Этот большой и важный круг вопросов связан с проблемой этногенеза киргизов и социалистическим строительством. Отсюда ясно, что избранная К. И. Антипиной тема имеет актуальное значение.

Основным материалом для написания монографии послужили собственные наблюдения и полевые материалы автора, а также литературные, музейные и архивные источники.

Монография состоит из трех глав, заголовки которых передают их содержание: I — «Домашние производства, ремесла, художественные занятия» (стр. 16—153), II — «Селение и жилище» (стр. 154—216), III — Одежда и украшения (стр. 217—274). В конце книги дан весьма необходимый для такого рода изданий указатель местных терминов (стр. 219—274).

Монография снабжена прекрасными иллюстрациями с четкими надписями. Построенная на богатых, разносторонних и свежих материалах, она является ценным научным трудом, вносящим значительный вклад в советскую этнографическую науку.

В результате исследования автор вполне обоснованно приходит к выводу о наличии двух комплексов (юго-западного и юго-восточного) киргизской материальной культуры в южной части Ошской области. В то же время в культуре южных киргизов много общих специфических черт, которые существенно отличают их от иссык-кульских, тьяншанских, чуйских; имеется также ряд черт, характерных для всего киргизского народа. При помощи широкого сравнительного анализа в монографии вскрывается также общность элементов киргизской культуры, возникшей на базе кочевого, скотоводческого хозяйства, с культурой тюркоязычных народов Средней и Центральной Азии: казахов, каракалпаков, полукочевых узбеков, алтайцев.

Автор анализирует прогрессивные последствия присоединения Южной Киргизии к России, а также кардинальные изменения в жизни киргизского народа, связанные с социалистическими преобразованиями, когда совершается коренная перестройка всей общественной и культурной жизни, решительный перелом в производстве материальных ценностей. К сожалению, историографический раздел монографии написан слабо.